

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА В КУЛЬТУРАХ ЗАПАДА И ВОСТОКА

**Сборник статей
по материалам II Всероссийской научной конференции
с международным участием (6–7 июня 2018 г.)**

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ «КОЛЛЕКТИВНОЙ ТРАВМЫ»

Аннотация. В статье рассматриваются способы описания травмы как языкового явления в свете исследований Дж. Митчелл, Франсуаза Давуан, Жан-Макс Годийер и Е.В. Соколовой, посвящённых «коллективной травме», а также описанию авторами травматических языковых средств выражения, представленных лексическими единицами и изобразительно-выразительными средствами в рамках направления «traumastudies».

Ключевые слова: коллективная травма, средства выражения, травматический опыт.

История XX века принесла человечеству немало кровавых потрясений, которые не раз меняли восприятие человека не только окружающего мира, но и окружающих, что в свою очередь вело к изменениям общества и языка. Травматические события оставляли глубокий отпечаток как на психике людей, – будь то «жертвы», «палачи» или же «свидетели» – так и на языке «травмированных», каждый из которых в той или иной степени становится носителем травматического опыта в зависимости от своей роли.

Так, в статье Дж. Митчелл говорится о том, что травма воздействует на язык, который согласно З. Фрейду находит своё языковое выражение в фобиях целого ряда слов и фраз, эмоциональности используемых слов, невозможности установления связи между мыслью и словом. Говорится о переживаниях, связанных также с определёнными словами, которые закрепили за собой новый эмоциональный оттенок или же дополнительное символическое значение в нестандартной ситуации для нормальной человеческой жизни. Вместе с этим исследуется место языка в реакции на травму и его возможности исцеления речью. В результате травмы язык может принять формы жаргона, плагиата или даже нанизывания правдоподобных предложений. В своей работе Дж. Митчелл ссылается на Ж. Лакана, который говорил о том, что травмированный язык – это словесный вариант визуального языка сновидений, где слова-метафоры, сравнения и символические уравнения, которые в большей степени выражают скорее чувства, а не смысл [1].

Французские исследователи Франсуаза Давуан и Жан-Макс Годийер утверждают, что проблема травмы всегда трансдисциплинарна. В своей работе они говорят, что при травмированном сознании у омонимичных слов может появиться другой смысл (вид омонимии отделённой по смыслу, – одна из характеристик по Соссюру и по Лакану). Могут возникать также многочисленные ассоциации, связанные с травмой, например: Ф. Давуан и М-Ж. Годийер приводят пример детей, освобождённых из концлагеря в Терезине: так как в лагере они могли разговаривать только по-немецки, соответственно все те чувства, которые они пережили в концлагере, наложили определённый отпечаток на их язык и социализацию. Авторы отмечают, что дети, привезённые из концлагеря из Терезина в Англию: представляли собой множественное тело, когда же дети начали учить английский, они становились более индивидуализированными, так как “новый” язык был “чист” для них. В своей работе Ф. Давуан и Ж.-М. Годийер приводят также случай с девушкой [Синий цветок : свобода речи], которая во время оккупации пережила травму сексуального характера, результатом которой стала афазия и в конечном итоге избегание определённой лексики, влекущей за собой появление новых ассоциативных рядов.

В то же время стремление применить к литературному материалу подходы, понимающие явления литературы и культуры как проявления “коллективного бессознательного” способствовало, пониманию того, что травматическое событие всегда окружено “сферой молчания”. При этом травма воздействует на всё общество в целом, и чтобы её преодолеть необходимо заново взглянуть на особенности национальной истории и культуры. Такую возможность, по мнению Е. В. Соколовой, даёт немецкая литература после 1945 г. Е. В. Соколова разделила всех авторов на 3 группы: I поколение “участников войны”, II поколение “детей”,

III-е поколение “внуков” с той целью, чтобы показать, как описывалась травма разными поколениями немецких писателей она также утверждает, что последние произведения немецких авторов такие, как «Возлюбленные моей матери» П. Шнайдера и «Вода и почва» П. Лео говорят о том, что “преодоление прошлого”, подразумевающее борьбу с собственной историей как внутри “коллективного бессознательного”, так и снаружи в реальности, привело к обнаружению «коллективной травмы» под «коллективной виной»[3].

Таким образом, на основе данных, полученных от исследователей, психоаналитиков, социологов и литературоведов, можно выделить такие изобразительно-выразительные средства, которые указывают на наличие «коллективной травмы»: метафоры (или “слова-метафоры”), сравнения и ассоциативные ряды. Не последнее внимание Ф. Д., Ж.-М. Годийер и Дж. Митчелл уделяют лексике, которая не является табуированной, но активно избегается персонажем, например, как это было.

Список использованных источников

1. Митчелл. Дж. Травма признание // Сборник статей “Травма:Пункты”. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 785–809.
2. Давуан. Ф., Годийер Ж.-М. История по ту сторону травмы // Сборник статей “Травма:Пункты”. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 133–171.
3. Соколова Е.В. Дискурс травмы в литературе Германии 2010-х годов: (П. Шнайдер и П. Лео) // Ежегодник российского союза германистов. Т. 13. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 138–147.

Сведения об авторе:

Витовский О.М. – студент (бакалавр) факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vitovskij.oleg@yandex.ru.

А.А. Вострикова, Д.Ю. Леонова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

СИМВОЛИКА ЦВЕТОВ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Поведение человека и его реакция на определенные события во многом объяснимы культурными особенностями и традициями его страны. При изучении иностранного языка для успешного взаимодействия с ее носителями необходимо развивать не только навыки устной и письменной речи, но и навыки межкультурной компетенции. Для более глубокого понимания языка и психологии народа, развития навыков межкультурной компетенции имеет смысл выявить различия и сходства в символике цвета культур России и Китая, провести сопоставительный анализ основных оттенков значений красного, белого, черного, сине-зеленого и желтого цветов на основе китайских и русских фразеологизмов с цветами.

Ключевые слова: китайская культура, цветовая символика, словосочетание, семантика.

Цветовой символизм играл большую роль в древнем Китае. Известно, что вплоть до династии Юань по цвету одежды можно было судить о социальном положении человека и его месте в иерархии. Так, ношение желтой одежды кем-либо, кроме императора, воспринималось как покушение на власть и каралось смертной казнью [1]. Хотя на Руси также с давних времен существовали представления об уместности и неуместности использования определенных цветов в одежде, власть не закрепляла за собой единоличное право использования определенного цвета, как в Китае. Это показывает значимость символизма в Китае как культурного явления, с давних пор охватывавшего все сферы жизни людей.

Очевидно, что в Китае цвета имеют более выраженное символическое значение, часто отличное от привычного европейцу. Во многом отношение китайцев к цвету определяет «теория пяти элементов», которая делит картину мира на пять составляющих [2]. Согласно этой теории, все явления окружающего мира соотносятся со свойствами Дерева, Огня, Земли,